манию его характера, а также такого сложного исторического явления, как опричнина (с. 61, 62), анализ «Повести с Горе-злочастии», где реальный «мир голода, босотья... бродяжничества и горя» неожиданно переводится автором из юмористического плана в трагедийный (с. 68—71), страницы, где перед читателем предстает художественно вылепленный образ протопопа Аввакума с его мягким и добрым юмором, нарушенным порой взрывами иного, едкого и «злого» смеха (с. 75—90). Но едва ли не самые интересные и глубокие страницы книги посвящены обоими авторами древнерусскому юродству, которое предстает в их изображении не как следствие «душевного или телесного убожества», а как «самоизвольное мученичество» (с. 95), как вид своеобразного добровольного испытания и подвига во имя религиозно-нравственного идеала. «Юродство,— пишут о нем авторы,— занимает промежуточное положение между ,,смеховым миром'' и миром церковной культуры. Можно сказать, что без скоморохов и шутов не было бы юродивых. Связь юродства со ,,смеховым миром'' не ограничивается ,,изнаночным'' принципом (юродство ... создает свой ,,мир навыворот''), но захватывает и зрелищную сторону дела... Но юродство невозможно и без церкви», от которой оно берет свой дидактизм и нравственное оправдание. «Юродивый балансирует на грани между смешным и серьезным, олицетворяя собою трагический вариант ,,смехового мира''» (с. 93). И в другом месте: «Смеющийся» ,,валяет дурака'', паясничает, играет, переодеваясь (выворачивая одежду, надевая шапку задом наперед) и изображая свои несчастья и бедствия. В скрытой и в открытой форме в этом ,,валянии дурака'' присутствует критика существующего мира, разоблачаются существующие социальные отношения, социальная несправедливость. Поэтому в каком-то отношении ,,дурак'' умен: он знает о мире больше, чем его современники.

Юродивый — это тоже ,,дурак''. Но его критика действительности построена на разоблачении ее несоответствия христианским нормам в понимании этого юродивого. Соотношения мира культуры и мира антикультуры у юродивого опрокинуты. Своим поведением (своими поступками-жестами) юродивый показывает, что именно мир культуры является миром ненастоящим, миром антикультуры, лицемерным, несправедливым, не соответствующим христианским нормам. Поэтому он постоянно, всегда ведет себя в этом мире так, как следовало бы вести себя только в мире антикультуры. Как и всякий дурак, он действует и говорит ,,невпопад'', но как христианин, не терпящий компромиссов, он говорит и ведет себя как раз так, как должно по нормам христианского поведения, в соответствии со знаковой системой христианства» (с. 5).

Исходя из этой оригинальной и яркой общей характеристики юродства «ради Христа» как «сложного и многоликого феномена культуры Древней Руси» (с. 93), А. М. Панченко освещает разнообразные данные о нем, проводя перед нашими глазами многочисленные известные нам типы «добровольных юродивых» из древнерусской жизни и литературы. В результате древнерусское юродство предстает перед читателем как оригинальный и важный общественный институт, со своим неписаным уставом, веками вырабатывавшимися обычаями и нравственным кодексом, институт, характеристика которого позволяет понять многие устойчивые черты не только определенного пласта явлений древнерусской культуры, но и ряда художественных образов позднейшей русской реалистической литературы XIX в. (образы «добровольных шутов» и буффонов у Достоевского, «горький смех» Гоголя, Островского, Щедрина). Интересно указание А. М. Панченко на то, что добровольный юродивый после многих лет юродства мог по своему желанию сбросить с себя надетую им маску и вернуться к обычным житейским нормам (с. 96, 98), а также на принцип «несовместимости юродства и писательства», который в отдельных случаях мог и нарушаться (с. 99, 100).

Превосходная книга Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, богатая новым материалом и многочисленными оригинальными и свежими теоретическими соображениями, представляет собой важный вклад в изучение жизни и литературы Древней Руси. Ей суждено стать настольной книгой не только литературоведа, но и эстетика, а также историка любой из областей древнерусской общественной жизни, культуры и искусства.

Г. М. Фридлендер